

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2018 г. Е. Н. Егорова
г. Архангельск, Россия

**ВЕЩЬ КАК КЛЮЧ К ВОСПОМИНАНИЮ
(КУЛЬТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
«ЧЕМОДАН» С. Д. ДОВЛАТОВА)**

Аннотация: В статье приводятся данные культурно-семантического исследования произведения «Чемодан» С. Д. Довлатова. Анализируются языковые средства, актуализирующие хаотичность перечисления вещей и линейность воспоминаний. Под призмой семантики оппозиций характеризуются социокультурное пространство повествования и авторская модальность, объективируемая через качество вещей. Акцентируется внимание на смыслах, репрезентирующих абсурдность и разлад с действительностью как норму жизни творческой личности. В исследовании выделяются главные смысловые оппозиции произведения: советское – антисоветское, свобода – несвобода, интеллигентность – неинтеллигентность, человек – зверь, принц – нищий и др. В процессе изучения художественного дискурса через образ вещи реконструируются фрагменты концептуальной картины мира.

Ключевые слова: подтекстовый смысл, ключевые социокультурные оппозиции, сильные текстовые позиции, модальность, интертекстуальность.

Информация об авторе: Екатерина Николаевна Егорова — кандидат филологических наук, доцент, Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова, Наб. Северной Двины, д. 17, 163000 г. Архангельск, Россия. E-mail: ruslit1611@yandex.ru

Дата поступления статьи: 08.05.2017

Дата публикации: 15.06.2018

Для цитирования: Егорова Е. Н. Вещь как ключ к воспоминанию (культурно-семантический анализ произведения «Чемодан» С. Д. Довлатова // Вестник славянских культур. 2018. Т. 48. С. 200–210.

«В каждой работе необходима минимальная доля абсурда...»

Книга «Чемодан», наряду с такими произведениями, посвященными жизни автотопсихологического героя, как «Зона», «Компромисс», «Заповедник», «Наши», «Филиал», является одним из центральных произведений довлатовской прозы.

Как известно, рассказы, вошедшие в сборник «Чемодан», были созданы в Нью-Йорке. С. Н. Ширяева отмечает: «Впервые на русском языке книга появилась в эмигрантском “Эрмитаже” в 1986 году. В 1990 году, спустя две недели после смерти автора, “Чемодан” вышел на английском языке, там же в Нью-Йорке» [9, с. 193].

«Чемодан» С. Д. Довлатова исследователи относят к циклу рассказов, созданных в стиле псевдодокументализма [6; 7]. Перечень основных сюжетов и мотивов с очевид-

ностью интересно изучать как под призмой интертекстуальности, так и в контексте плюсов, оппозиций смысла, т. е. в культурно-семантическом аспекте [1; 7].

По словам Г. А. Доброзраковой, «интертекстуальные и ассоциативные связи повести с произведениями русской литературы XX в. (А. Блок “Грешить бесстыдно, не пробудно...”, И. Ильф “Записные книжки”, В. Голявкин “О чемодане”, А. Тарковский “Вещи”, Д. Кедрин “Есть у каждого бродяги сундучок воспоминаний...”, М. Осоргин “Вещи человека”, Б. Житков “Что я видел”, “Что я нажил”) были намечены в монографии И. Сухих “Сергей Довлатов: время, место, судьба”» [1, с. 77].

Цель нашего анализа — выявить подтекстовый и пресуппозитивный смыслы, описать размещение социокультурных оппозиций в сильных текстовых позициях, обозначить ключевые слова, приемы оживления внутренней формы, прецедентные тексты, актуализирующие пресуппозиции, окказиональные номинации, приемы, воздействующие на подсознание читателя, и др.

Структура рассказов в книге оригинальна: указав в предисловии один порядок вещей, автор резко меняет последовательность их описания: «Сверху лежал приличный двубортный костюм (1). В расчете на интервью, симпозиумы, лекции, торжественные приемы. Полагаю, он сгодился бы и для Нобелевской церемонии. Дальше — поплиновая рубашка (2) и туфли (3), завернутые в бумагу. Под ними — вельветовая куртка (4) на искусственном меху. Слева — зимняя шапка (5) из фальшивого котика. Три пары финских креповых носков (6). Шоферские перчатки (7). И наконец — кожаный офицерский ремень (8). На дне чемодана лежала страница “Правды” за май восьмидесятого года. Крупный заголовок гласил: “Великому учению — жить!”» [4, с. 644].

Как видно из представленного контекста, упоминание о «креповых финских носках» занимает здесь срединную позицию, однако основное повествование начинается с истории, названной именно так: «Креповые финские носки» [4, с. 646].

Известно, что среди сильных текстовых позиций обычно выделяют начало и финал текста, заглавие, ключевые слова, эпиграф (если есть). Перед нами словосочетание, реализующее одновременно несколько функций лида:

- 1) заглавную, привлекающую внимание, удивляющую, фактуальную;
- 2) функцию ключевого слова — в тексте встречается как сама лексема, актуализирующая значения, так и слова-стимулы (смысловой привязки), например, «крепнейлон», «синтетика», «синтетическое дерьмо», «клеймо “Мейд ин Финланд”» и пр.;
- 3) финального акцента: «Так я и уехал, бросив в пустой квартире груду финских креповых носков. Лишь три пары сунул в чемодан» [4, с. 656].

При этом интересно отметить тот факт, что модально-оценочная составляющая сильной текстовой позиции явно негативная: «синтетическое дерьмо», «хреновина», «блядская промышленность», «подлянка от социалистической экономики», «безобразной гороховой расцветки», «дрянь» и пр. С одной стороны, отрицательная коннотация текстового окружения очевидна и сообразна «криминальной» ситуации; с другой — автор всячески акцентирует внимание на количестве, производит «математические выкладки» и пр.: «три пары», «двести сорок пар», «количество этой дряни почти не уменьшалось», «груды финских креповых носков», а также подчеркивает многовариативность использования «черного» товара: «Я дарил их всем своим знакомым. Хранил в них елочные игрушки. Вытирал ими пыль. Затыкал носками щели в оконных рамах. И все же количество этой дряни почти не уменьшалось» [4, с. 656].

Довлатов как будто играет со знакомой нам пресуппозицией: если нет или мало, то дефицит, мода, черный рынок, дорого; а если есть и много, «завал» — никому

не нужно, бесполезно. Такова имплицитно содержащаяся в высказывании информация. Вслед за этой можно обозначить в тексте и другие (ставшие очевидной оппозицией) смысловые моменты: «недостаток – избыток», «Советская промышленность» vs «“Мейд ин Финланд”», «подлянка от социалистической экономики» vs «звериный оскал капитализма», изменения в жизни – постоянство в атрибуте: «И лишь одно было неизменным. Двадцать лет я щеголял в гороховых носках» и др.

Описывая дискурсивные признаки вещи-концепта, мы приходим к мысли: в ядре значения оказывается искусственный материал («синтетика») как метафора пустоты в настоящем, начальной точки истории человека с чемоданом («Так я и уехал, бросив в пустой квартире груды финских креповых носков»). Возможно, поэтому в препозиции словосочетания первично относительное «креповые», а не притяжательное прилагательное «финские»: «креповые финские носки».

Наконец, резюмируя вышесказанное, с целью подтверждения документальности этого художественного произведения, созданного в 1986 г., через деталь (словоформу «креповые») обратимся к статистическим ресурсам Национального корпуса русского языка. По данным ресурса, пик словоупотребления пришелся как раз на год создания произведения, что рождает лишь еще одну догадку, почему, нарушив последовательность предисловия, автор начал повествование о криминальной юности, первой любви и старых друзьях с описания такой малозначительной вещи «в горошек».

Безусловно, «представление» вещей не по заданному списку в предисловии подтверждает и гипотезу о соблюдении хронологии событий.

Что касается интертекстуальных находок первой части — литературоведы отмечают: «Глава “Креповые финские носки” перекликается с последней довлатовской повестью — “Филиал” (а через нее — с повестью А. Битова “Сад”, посвященной любви Сергея Довлатова и Аси Пекуровской) — не только на мотивном уровне (мотив бедности влюбленного молодого человека), но и с помощью включения в “Филиал” точных и неточных цитат» [6; 7; 8].

Третье место в перечне чемоданных вещей занимают «туфли, завернутые в бумагу», а истории их «приобретения» посвящен второй текст книги «Чемодан». Как будто стараясь спрятать украденную вещь, автор использует для заглавия синоним номинации — «полуботинки», «снабжая» его емким определением — «номенклатурные». Наконец, в пространстве текста (где чувствует себя в полной безопасности) писатель превращает «полуботинки» в ботинки: «Я должен начать с откровенного признания. Ботинки эти я практически украл...» [4, с. 656]. Модально-оценочное окружение этой «вещи» выглядит весьма мажорным по сравнению с дискурсом, обрамляющим концепт «креповые финские носки»: «в советском магазине нет таких ботинок», «украл я их не в магазине, разумеется», «добротные советские ботинки, предназначенные на экспорт», «я ощутил их благородную, тяжеловатую прочность» [4].

Для современного читателя, по-видимому, кажется нелогичным стечение двух обстоятельств, «советских ботинок» нет в «советском магазине», однако носителя языка и культуры XX в. не найдут в этом никакого нарушения закона логики, тем более автор пророчески поясняет: «предназначенные на экспорт». Так актуализируется мощная парадигма смыслов, характерная для советского времени: «для своих», «блат», «достать» и пр.

Кстати, тот факт, что по размеру ботинки не подходили мэру, есть не что иное, как пресуппозиция, также объективирующая типичную для 1980-х гг. ситуацию. Передавая всю палитру экземплифицированных ощущений (от «крайней сосредоточенно-

сти» до «игры на рояле»), автор делится сокровенным, тем, что способно «вынудить затаить дыхание»: «А я наблюдал за мэром. Что-то беспокоило его. Томило. Заставляло хмуриться и напрягаться. Временами по его лицу бродила страдальческая улыбка. Затем произошло следующее. Мэр резко придвинулся к столу. Не опуская головы, пригнулся. Левая рука его, оставив бутерброд, скользнула вниз. Около минуты лицо почетного гостя выражало крайнюю сосредоточенность. Потом, издав едва уловимый звук лопнувшей шины, мэр весело откинулся на спинку кресла. И с облегчением взял бутерброд. Тогда я незаметно приподнял скатерть. Заглянул под стол и тотчас выпрямился. То, что я увидел, поразило меня и вынудило затаить дыхание. Я сжался от причастности к тайне. А увидел я крупные ступни мэра города, туго обтянутые зелеными шелковыми носками. Пальцы ног мэра города шевелились. Как будто мэр импровизировал на рояле. Ботинки стояли рядом» [4, с. 664]. Общей «сценарности» фрагмента способствуют обилие глагольных и деепричастных форм, емкость и лаконичность парцелированных синтаксических конструкций, яркость сравнений, метафор, олицетворений.

Финальная фраза не может не навести на мысль о персонификации «благородной» вещи: «Ботинки стояли рядом». Помимо акцента на субъекте, грамматическая конструкция всего предложения способствует «одушевлению» номинации. Кстати, определение реализуют ту же функцию, поскольку «номенклатурные» значит «являющиеся номенклатурой», а следовательно, «назначенные по специальному решению высшей инстанции». Так заглавие «номенклатурные полуботинки» становится окказиональным и намеренно деформированным именно из-за природной лексической несочетаемости включенных слов. Конечно, нами не исключается и фактор принадлежности объекту речи — мэру Ленинграда.

Оппозиции в этом тексте, связанные по смыслу с ключевым словом «ботинки», также заслуживают внимания: «креповым финским носкам» противопоставлены «зеленые шелковые»; «мэру / боссу с охранниками» vs «работяги, товарищи»; «загадочному воровству без какой-либо цели, характерному лишь для российского государства», практичное преступное деяние героя («украл», «стащил»).

При этом мотивы преступления, обозначенные автором, актуализируют типичную приметку времени — «несогласие с системой»: «И тут — не знаю, что со мной произошло. То ли сказало мое подавленное диссидентство. То ли заговорила во мне криминальная сущность. То ли воздействовали на меня загадочные разрушительные силы» [4, с. 664]. Анафористичность, парцелированность и синтаксический параллелизм конструкций воздействуют на читателя гипнотически: начинаешь верить в отсутствие мотива преступления и присутствие разрушительных сил.

В заглавии «Приличный двубортный костюм» имплицитно представлен смысловой компонент: «Приличия официальных встреч соблюдены, если есть костюм». Этой положительно оценочной лексеме «приличный» отведена препозиция: «Сверху лежал приличный двубортный костюм (1). В расчете на интервью, симпозиумы, лекции, торжественные приемы. Полагаю, он сгодился бы и для Нобелевской церемонии» [4, с. 644].

Чемодан оказывается вместилищем не столько вещей (материя), сколько воспоминаний. Как видно из текста, существующий диссонанс обнаруживается и в мире людей, и в мире вещей. Одежда объективируется здесь в качестве одного из способов коммуникации: «своими брюками, товарищ Довлатов, вы нарушаете праздничную атмосферу здешних мест»; «Мы оказали вам доверие. Делегировали вас на похороны

генерала Филоненко. А вы, как мне стало известно, явились без пиджака»; «Извольте одеваться так, как подобает работнику солидной газеты!» [4, с. 667].

Находим также подтверждение мысли о существовании комплекса несоответствия внешнего и внутреннего: «Я и сейчас одет неважно. А раньше одевался еще хуже. В Союзе я был одет настолько плохо, что меня даже корили за это». При этом автор намеренно обращает наше внимание на оценку рассказчика внешнего вида других персонажей: «Цыпин — в замшевой куртке и джинсах. Я и не подозревал, что он щеголь» [из фрагмента «Номенклатурные ботинки», интертекст]; «Им (шпионам) надо вести себя гораздо проще. Во-первых, одеваться как можно шикарнее» [из фрагмента «Приличный двубортный костюм»] [4, с. 675].

Интертекстуальный смысловой «крючок» заброшен посредством антономазии: «На вас была какая-то старая ряса. — Это не ряса. Это заграничная куртка. И кстати, подарок Леже. (Куртка, и вправду, досталась мне от Фернана Леже. Но эта история — впереди.) — Что такое “леже”? — поморщился редактор. — Леже — выдающийся французский художник» [4, с. 667].

Как видим, рассказ «Приличный двубортный костюм» перекликается с рассказом «Куртка Фернана Леже» (С. Довлатов кратко пересказывает историю подаренной ему куртки). Кроме того, эта значимая часть «Чемодана» связана с повестью «Компромисс», рассказывающей о компромиссах в журналистской работе.

Условия компромиссного решения также интересны для анализа: «Три статьи широкого общественно-политического звучания. И тогда редакция премирует вас скромным костюмом. — Что значит — скромным? Дешевым?» Здесь лексема «скромный» действительно актуализирует смысл «небогатый». Автор в диалоге это подчеркивает с помощью нарушения логики противопоставления (категория «стоимость» и категория «цвет»): «Не дешевым, а черным. Для торжественных случаев» [4].

Приличный двубортный костюм, который впоследствии становится собственностью автора, похож на квадратные скобки смысла: жизненный путь каждого человека мифологичен по своей природе (с одной стороны, миф о сизифе [«А моего шведа через неделю выслали из Союза. Он был консервативным журналистом. Выразителем интересов правого крыла»], с другой — миф о лабиринте [вход в лабиринт — «расчет на симпозиумы», выход — «делеги́рование на похороны»]). Не та национальность, не то имя, не те обстоятельства — всё это так называемые деструктивные факторы, за которыми скрыты интереснейшие судьбы, о которых хочет, но не может писать автор: «Мои записи были полны интересных деталей. Мне не терпелось приступить к работе» [4].

Характерные для фрагмента оппозиции представлены в разных формах (как имплицитно, так и эксплицитно):

«— У меня нет костюма. Для театра нужна соответствующая одежда. Там, между прочим, бывают иностранцы» (оппозиция «свое – чужое»);

«— Почему же у вас нет костюма? — спросил майор. — Что за ерунда такая? Вы же работник солидной газеты» (оппозиция «впечатление – реальность»);

«— У меня, — говорю, — нестандартный размер» (оппозиция «стандартность – индивидуальность»);

«— Ничего, — сказал редактор, — я позвоню директору универмага...» (Имплицитные оппозиции «свой – чужой», «вверх – низ», асимметричность отношений «начальник – подчиненный»; переход на симметрию для преодоления трудности: «главный редактор – директор универмага»);

«Так я стал обладателем импортного двубортного костюма. Если не ошибаюсь, восточногерманского производства» (оппозиция «свое – чужое», «советское – заграничное»).

Для автора цепочка этих оппозиций сообразна линии жизни, реконструируемой посредством череды воспоминаний. Эти полюса смыслов ведут к цели: Новый год — новый «приличный двубортный костюм»: «Есть решение наградить товарища Довлатова ценным подарком... Так я стал обладателем импортного двубортного костюма» [4, с. 678].

Более «глубоководный» смысл о природе человека и человеческого актуализируется в следующем рассказе, названном отчасти с использованием имплицитной синекдохи и представленном как целое, — «Офицерский ремень» (под частью синекдохи мы имеем в виду «бляху с рельефной звездой как вид грозного оружия»). Эта часть книги также интертекстуальна и связана с произведением «Зона»: «Все это произошло со мной летом шестьдесят третьего года на юге республики Коми» [4, с. 679].

Сопровождая 'якобы' ненормального заключённого, из состояния «нормы» выходит Чурилин. Часто С. Д. Довлатов упоминает в своих текстах о природе интеллигентности, о природе человека (есть очерк «Это непереводаемое слово “хамство”»): «Интеллигентность мне вредила, еще когда я занимался боксом». Здесь возникает отсылка к оппозиции «интеллигентность/человечность – неинтеллигентность/звериность». Особенно это проявляется в стихийной «дуэли», в ситуации предельности, в пороговом состоянии между жизнью и смертью: «Я видел, как Чурилин снимает ремень. Я не сообразил, что это значит. Думал, что он поправляет гимнастерку. Теоретически я мог пристрелить его или хотя бы ранить. Мы ведь были на задании. Так сказать, в боевой обстановке. Меня бы оправдали. Вместо этого я снова двинулся к нему. Интеллигентность мне вредила, еще когда я занимался боксом. В результате Чурилин обрушил бляху мне на голову» [4, с. 684].

Природа интеллигентности героя в деталях жизни и поступках, как большое в малом: он мог быть пристрелить, не дать, сообщить, но он не убил, отдал, простил. При этом создается впечатление, будто все окружение автопсихологического персонажа осведомлено о мягкости и деликатности, о силе офицерского духа и человечности героя, однако потребительски и со звериной жадностью неблагодарно использует человеческое в нечеловеческих целях. Так читатель знакомится с оппозициями: «закон – преступление», «нормальный – ненормальный», «свой – чужой», «свобода – несвобода»; а также с вопросом о том, что границы этих противопоставлений зачастую размыты и стерты.

Как справедливо утверждают исследователи довлатовской прозы, «в рассказах «Куртка Фернана Леже» и «Зимняя шапка» через «домашние» сюжеты и общих героев (родители, домработница, брат Борис, друзья героя) просматривается связь с главами повести “Наши”» [1; 2; 3; 5; 6; 7; 8].

Версия появления куртки такова: знаменитый французский художник завещал своей жене быть «другом всякого сброда». Вещь мастера Нина Черкасова передала другу своего сына Андрея. Довлатов в действительности изысканно шифрует смысл: друг — Андрей, автопсихологический герой — «сброд».

В начале текста «Куртка Фернана Леже» Довлатов определяет: «это рассказ о принце и нищем» [4, с. 691]. Ключевая оппозиция, обозначенная автором, концептуализируется многочисленными несоответствиями в жизненных обстоятельствах: весна – осень (рождение принца и нищего в 1941); выдающийся – только худобой (происхождение и статус отцов); артист – рядовой деятель театра (значимость в деле); талант

отца – сомнение в таланте (профессиональная роль); знает вся страна – знают соседи (сфера популярности); друзья – бытовое окружение (круг общения).

Игра антитезами иногда сменяется акцентом на общем: «лежали рядом в детских колясках»; «Питались мы, я думаю, одинаково скверно. Шла война». Сквозь череду противопоставлений просматриваются также намеки на природу интеллигентности героя: «Конечно, я тоже любил шоколад. Но делал вид, что предпочитаю ириски» [4, с. 693].

Как метко и иронично обыгрывает автор цитату: «Я не жалею о пережитой бедности. Если верить Хемингуэю, бедность — незаменимая школа для писателя. Бедность делает человека зорким. И так далее. Любопытно, что Хемингуэй это понял, как только разбогател...» [4, с. 694]. В подтексте появляется (как минимум) двусмысленность: «Хемингуэй разбогател и перестал быть зорким» или «Хемингуэй разбогател и остался писателем»?

Из сотканных антонимичных смыслов рассказа мы узнаем о принце и нищем — о жизнях преуспевающего физика и диссидентствующего лирика. О куртке Фернана Леже, о вещи, смысл которой объективируется посредством рассказа — завещанной истории про «друга всякого сброда».

Получив в подарок старую вельветовую куртку, герой был растерян: «Куртка явно требовала чистки и ремонта. Локти блестели. Пуговиц не хватало. У ворота и на рукаве я заметил следы масляной краски» [4, с. 699].

К знакомым нам по тексту оппозициям («советское – американское») возвращает фраза: «Такие куртки, если верить советским плакатам, носят американские безработные» [4, с. 699].

Удивительно, но нестандартность размера героя, подчеркнутая в предыдущем рассказе, здесь контрастирует с гармоничностью: «Я надел куртку. Она была мне впору. Ее можно было носить поверх теплого свитера. Это было что-то вроде короткого осеннего пальто» [4, с. 699].

Воспоминания о владельце куртки: «Это был высокий, сильный человек, нормандец, из крестьян. <...> Фронтонные рисунки Леже проникнуты ужасом. В дальнейшем он, подобно Маяковскому, боролся с искусством. <...> Ему казалось, что линия важнее цвета. Что искусство, от Шекспира до Эдит Пиаф, живет контрастами. Его любимые слова: “Ренуар изображал то, что видел. Я изображаю то, что понял...”» [4, с. 699–700].

Нельзя не согласиться с тем, что в этой части произведения, как и в остальных, явно представлено предназначение писателя — «быть принцем духа». Не зря так часто в жизни героя наблюдается тот самый конфликт с материальным и вещественным миром, тот самый разлад с действительностью.

Как и финские носки, приличный двубортный костюм восточно-германского производства, номенклатурные ботинки на экспорт (каких не было в советских магазинах), поплиновая рубашка не была советской: «если не ошибаюсь, румынского производства. <...> Приличная рубаха, скромная и доброкачественная. Да здравствует товарищ Чаушеску!..» [4, с. 712].

Эта вещь не просто воспоминание о подарке жены, собирающейся уезжать. Она выполняет функцию реконструкции в памяти пограничного момента, когда на фоне полнейшей статики герой обнаруживает, какой «силы и остроты может достигать» чувство; символ любви и заботы двух людей, которых связывают «двадцать лет взаимной обособленности и равнодушия к жизни» [4].

Кстати, именно из рассказа «Поплиновая рубашка» мы узнаем об одной из трех версий знакомства героя со своей женой (две другие представлены в повестях «Заповедник» и «Наши») [4, с. 293, с. 381].

В сильной текстовой позиции (финале рассказа) содержится упоминание о подарке, купленном на «лишние» (а в реальности — из смыслового подтекста — «нелишние») деньги.

Здесь интересно продолжение ряда оппозиций, а также то, как на динамичном текстовом фоне изображены статичные герои, «пренебрегшие своими гражданскими обязанностями» и «имеющие в качестве свидетельства о браке ребенка». Статичность торжествует внешне: «Только куда я в ней пойду? В самом деле — куда?!» [4, с. 712]. Движение (подвиг) здесь внутренний. Из трех существующих путей — законов жизни (жить и все время чего-то желать, жить и стараться достигнуть знания, жить и любить) герои выбирают самый сложный (третий).

Ключом к воспоминанию, такому немногословному (в отличие от других воспоминаний) и такому сокровенному, выступает «поплиновая рубашка» румынского производства. Суть метафоры отношений героев очевидна: она скрыта в качестве ткани. Поплин — натуральная ткань, особенность прочности которой заключается в соединении толстой и тонкой нитей, в описаниях свойств часто встречается сравнение «как в рубчик».

Смысловая оппозиция «советское – антисоветское» («свое – чужое») присутствует и в следующем тексте, повествующем о «Рае, газетной поденщине, нелепой лыжной шапочке, и даже любовных успехах Бориса». Интересна эта оппозиция в деталях: в переименовании гостиницы («Советская» – «Антисоветская»), в интертекстуальной отсылке к рассказу о номенклатурных ботинках: «— Чем это вас саданули — кирпичиной? — Ботинком, — говорю. Врач уточнил: — Наверное, скороходовским ботинком? И добавил: — Когда же мы научимся выпускать изящную советскую обувь?!...» [4, с. 719].

Заметим, именно качество вещи становится метафорической основой для актуализации авторской модальности (отношения автора к описываемым личностям, ситуациям и пр., ср.: качество финских носков или бляха из олова на офицерском ремне). Вот и зимняя шапка из «лыжной, уродливой, нелепой» 'героически' становится «котиковой».

В рассказе «Зимняя шапка» Довлатов продолжает разговор с читателем на тему «разлада с действительностью»: внешнее противопоставляется внутреннему, материальное — духовному. Одно только сочетание «трубадуры режима» реализует многогранную функцию смыслопорождения о «железных принципах», «фальшивом энтузиазме», «неосуществимых мечтах о творчестве...» [4, с. 713, 715].

Отражение в зеркале — ложное дублирование образа, это хорошо осознает автотопсихологический персонаж: «тем более что в зеркало я не глядел уже лет пятнадцать» [4, с. 713].

Однако герои, его окружающие, как будто не могут понять бахтинскую мысль об истинности отражения в глазах Другого: «— Вы одеваетесь, как босяк! Я ответил: — Ничего страшного. Представьте себе, что я монтер или водопроводчик. Аристократка торопится домой в сопровождении электромонтера. Все нормально» [4, с. 717]. Интертекстуальность обнаруживается в отрывке мгновенно (М. М. Зощенко «Аристократка»), и тут же в подтексте диалога появляются новые смыслы о соответствии и несоответствии, об этажах культуры, о масках и стереотипах.

Все события словно концентрируются вокруг «уродливой», «забытой кем-то», «лыжной» шапки: «У него свалилась шапка. И у меня свалилась шапка. Я смотрю — его шапка новее. Нагибаюсь, беру его шапку. А он, естественно — мою. Я его изматерил. И он меня. На том и разошлись. А эту шапку я дарю тебе. Бери» [4, с. 723].

Многokратные лексические повторы ключевого слова становятся акцентами в парцелированных конструкциях, создающих ощущение динамичности, эффекта реалистичности и правдоподобности драки. Финальная реплика героя в этом рассказе также подана правдоподобно: «Зато, — говорю, — у меня есть новая котиковая шапка» [4, с. 724]. А ведь в предисловии автор указал на фальшивость материала, из которого была сделана шапка: «Слева — зимняя шапка из фальшивого котика» [4, с. 644]. Так актуализируется смысл псевдопревращения, негативная коннотация остается прежней, автопсихологическому герою по-прежнему «тошно» от фальшивого окружения, изображающего категоричное представление об истинности выбранного жизненного пути.

«Шоферские перчатки» [4] — заглавие и одновременно текстовая деталь, второстепенный элемент «киношности» и «театральности», акцент на абсурдности, повествование о съемках в аполитичном фильме в роли царя.

Тема актерства и ритуальности в реальной жизни неисчерпаема. Она присутствует и в общем смысле историй и оппозиций, и в частном: «Мужчины были в серых пиджаках и телогрейках. Они держались строго и равнодушно, как у посторонней могилы» [4, с. 733]. Лаконичное, но емкое в значении сравнение содержит пресуппозицию: «Каждый находится в своём ‘людском’ круге, и гибель одного из круга оставляет равнодушными посторонних, людей из Другого круга». «Сколько людей ежедневно умирает и рождается заново?» [4, с. 733].

Интересно, как воспринимают люди «приблизительно Долматова» в образе царя Петра (в очереди за пивом): «— Я стою за лысым. Царь за мной. А ты уж будешь за царем...» [4, с. 734]; как чувствует себя сам герой в «атрибутах», подчеркивающих его внешнюю нестандартность и внутренний разлад: «Приближаясь к толпе, я испытывал страх. <...> Кому нужен весь этот глупый маскарад?!...» [4, с. 733].

«Шоферские перчатки» становятся также и частью стереотипного представления гражданина России о том, что каждый американец является владельцем собственного автомобиля: «Шоферские перчатки я захватил в эмиграцию. Я был уверен, что первым делом куплю машину» [4, с. 736]. Несоответствие общему фону, инакомыслие и пр. объективируется посредством «отсутствия» материального блага: «Да так и не купил. Не захотел. Должен же я чем-то выделяться на общем фоне! Пускай весь Форест-Хиллс знает “того самого Довлатова, у которого нет автомобиля”!» [4, с. 736].

Выявление подтекстового и пресуппозитивного смыслов, описание ключевых социокультурных оппозиций в сильных текстовых позициях позволили охарактеризовать одно из центральных произведений Сергея Довлатова «Чемодан».

Подводя итоги культурно-семантического анализа, следует отметить:

- хаотичность перечисления вещей и линейность воспоминаний,
- авторскую модальность, объективируемую через качество вещей,
- абсурдность и разлад с действительностью как норму жизни творческой личности.

Вещи как ключи смыслов реконструируют концептуальную картину мира автора, а интертекстуальные обращения отражают ее лингвокультурную составляющую.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Доброзракова Г. А.* Интертекстуальные связи повести С. Довлатова «Чемодан» с произведениями русской классической литературы XIX–XX веков // Известия саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2011. № 1. С. 77–80.
- 2 *Доброзракова Г. А.* Мифы Довлатова и мифы о Довлатове: Проблемы морфологии и стилистики. Самара: ПГУТИ, 2008. 216 с.
- 3 *Доброзракова Г. А.* Сергей Довлатов: диалог с классиками и современниками. Самара: ИНУЛ ПГУТИ, 2011. 262 с.
- 4 *Довлатов С.* Избранное: Повести, рассказы. СПб.: Азбука, 2013. 944 с.
- 5 *Довлатов С.* Иная жизнь. СПб.: Азбука, 2012. 320 с.
- 6 *Сухих И.* Сергей Довлатов: в круге третьем // *Довлатов С.* Иная жизнь. СПб.: Азбука, 2012. С. 7–30.
- 7 *Сухих И.* Сергей Довлатов: время, место, судьба. СПб.: Азбука, 2010. 288 с.
- 8 *Харитонова Е. А.* Колумнистика С. Довлатова: смыслообразующие логосы образа родины // Язык и социальная динамика. 2013. № 13. С. 137–140.
- 9 *Ширяева С. Н.* Поэтика цикла «Чемодан» С. Довлатова // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 5. С. 193–196.

© 2018. Ekaterina N. Egorova
Arkhangelsk, Russia

**OBJECT AS THE KEY TO REMEMBERING
(CULTURAL AND SEMANTIC ANALYSIS
OF THE WORK “SUITCASE” BY S. D. DOVLATOV)**

Abstract: This article is devoted to the cultural and semantic research of the work “Suitcase” by S. D. Dovlatov. The paper explores language tools that actualize the randomness of the things enumeration and the linearity of memories. It also deals with the socio-cultural space of the narration and the author's modality, objectified through the quality of the things, in terms of semantics of the oppositions. The author focuses on the meanings representing absurdity and the discord with reality as a norm of creative person's life. The study identifies main semantic oppositions of the work: Soviet — anti-Soviet, freedom — lack of freedom, intelligence — non-intellectualism, man — beast, prince — beggar, etc. Investigating the artistic discourse through the image of object (thing) the author reconstructs fragments of the conceptual worldview.

Keywords: the subtextual meaning, key socio-cultural oppositions, the strong textual positions, modality, intertextuality.

Information about author: Ekaterina N. Egorova — PhD in Philology, Associate Professor, Northern Arctic Federal University, Severnaya Dvina Embankment, 17, 163000 Arkhangelsk, Russia. E-mail: ruslit1611@yandex.ru

Received: May 08, 2017

Date of publication: June 15, 2018

For citation: Egorova E. N. Object as the key to remembering (cultural and semantic analysis of the work “Suitcase” by S. D. Dovlatov). *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2018, vol. 48, pp. 200–210. (In Russian)

REFERENCES

- 1 Dobrozrakova G. A. *Intertekstual'nye svyazi povesti S. Dovlatova “Chemodan” s proizvedeniyami russkoi klassicheskoi literatury XIX–XX vekov* [The intertextual connections of the story of S. Dovlatov “Suitcase” with the works of Russian classical literature of the XIX–XX centuries]. *Izvestiya saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika*, 2011, no 1, pp. 77–80. (In Russian)
- 2 Dobrozrakova G. A. *Mify Dovlatova i mify o Dovlatove: Problemy morfologii i stilistiki* [Myths of Dovlatov and myths about Dovlatov: Problems of morphology and stylistics]. Samara, PGUTI Publ., 2008. 216 p. (In Russian)
- 3 Dobrozrakova G. A. *Sergei Dovlatov: dialog s klassikami i sovremennikami* [Sergey Dovlatov: dialogue with classics and contemporaries]. Samara, INUL PGUTI Publ., 2011. 262 p. (In Russian)
- 4 Dovlatov S. *Izbrannoe: Povesti, rasskazy* [Selected: Stories, stories]. St. Petersburg, Azbuka Publ., 2013. 944 p. (In Russian)
- 5 Dovlatov S. *Inaya zhizn'* [A different life]. St. Petersburg, Azbuka Publ., 2012. 320 p. (In Russian)
- 6 Sukhikh I. *Sergei Dovlatov: v krugе tret'em. Dovlatov S. Inaya zhizn'* [Sergei Dovlatov: in the third round]. St. Petersburg, Azbuka Publ., 2012, pp. 7–30. (In Russian)
- 7 Sukhikh I. *Sergei Dovlatov: vremya, mesto, sud'ba* [Sergey Dovlatov: time, place, fate]. St. Petersburg, Azbuka Publ., 2010. 288 p. (In Russian)
- 8 Kharitonova E. A. *Kolumnistika S. Dovlatova: smysloobrazuyushchie logosy obraza rodiny* [S. Dovlatov: Semantic Logos of the Image of the Motherland]. *Yazyk i sotsial'naya dinamika* [Language and Social Dynamics]. Krasnoyarsk, Sibirskii gosudarstvennyi aerokosmicheskii universitet im. akad. M. F. Reshetneva Publ., 2013, no 13, pp. 137–140. (In Russian)
- 9 Shiryaeva S. N. *Poetika tsikla “Chemodan” S. Dovlatova* [Poetics of the cycle “Suitcase” by S. Dovlatov]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2015, no 5, pp. 193–196. (In Russian)